

О.В. Синявская (НИСП), А.О. Тындик (Независимый Институт социальной политики)

Социальный капитал и гендерное равенство в объяснении рождаемости в России

Как справедливо отмечают А. Готье и Д. Филиппов [Gauthier & Philippov 2008], идентификация факторов низкой рождаемости – чрезвычайно трудная задача. В данном выступлении мы пытаемся сделать еще один шаг в решении этой задачи. Выступление обобщает результаты эмпирического исследования панельных данных РидМиЖ, проведенного О.В. Синявской и А.О. Тындик в рамках проекта «Детерминанты репродуктивного поведения населения и факторы семейного неблагополучия: результаты панельных исследований» при финансовой поддержке МОНФ. Фокус нашего внимания направлен на социальные факторы репродуктивного поведения. При этом нас будут интересовать временные (темпо) аспекты рождаемости, а не ее итоговые показатели. Оставаясь в рамках экономической теории рождаемости, то есть предполагая, что решения о рождении ребенка являются рациональными и могут отражать оценку бюджетных ограничений и затрат на рождение и последующее воспитание детей [Becker 1991], мы, тем не менее, расширяем классический вариант модели, добавляя в нее такие компоненты как социальные связи и гендерное распределение обязанностей партнеров. По мнению Н.М. Астона и его коллег, «... социальный капитал может быть полезной концепцией демографии семьи, поскольку он проливает свет на то, почему отдельные люди демонстрируют определенное поведение в области формирования семьи, почему это поведение отличается систематической неоднородностью среди населения, и почему такое поведение населения меняется со временем» [Astone et al 1999: 26]. В свою очередь, П.Макдональд отмечает, что гендерное равенство представляет собой существенный элемент для понимания феномена низкой рождаемости [McDonald 2008]. Теория социального капитала применительно к демографическому поведению была верифицирована в ряде эмпирических исследований. Работы, выполненные на данных по Восточной Европе, показали положительное влияние социального капитала на репродуктивные намерения [см. Philipov et al. 2004; Bühler and Fratzczak 2004; Philipov 2003]. В частности, вовлечение в сети внутрисемейной и межсемейной взаимопомощи усиливает намерения завести второго ребенка. В целом, по результатам этих эмпирических исследований, можно говорить о том, что когда у человека есть близкие, оказывающие важную и существенную поддержку, он, при прочих равных, будет больше стремиться к рождению ребенка. При этом мелкая помощь в ежедневной деятельности оказывается менее значимой. Т.е. социальный капитал может быть рассмотрен как вид дополнительного дохода, позволяющий индивидам справляться с серьезными социально-экономическими проблемами. Исследования, выполненные на материалах европейских стран, показывают, что распределение ролей внутри партнерства значимо влияет на репродуктивное поведение пары. Положительное влияние включения мужчины в воспитательный процесс на рождаемость неоднократно отмечалось в ряде исследований [Del Boca 2002, Duvander and Andersson 2003, Olah 1998]. В частности, исследование по Дании показало, что женщины, занятые на рынке труда и ориентированные на карьеру, принимают решение о рождении второго ребенка, ориентируясь на степень участия их партнера в заботе об уже рожденном ребенке [Esping-Andersen et al 2007]. В то же время, по данным М.Миллс и ее коллег [Mills et al 2008], неравное распределение домашнего труда оказывает существенное влияние на

репродуктивные намерения только тех женщин, которые уже изрядно перегружены на работе и дома. Таким образом, вопрос, приступая к исследованию, результаты которого мы представляем в данном докладе, мы задались следующими вопросами. Насколько релевантны теории социального капитала и гендерного равенства для объяснения репродуктивного поведения российского населения? Иными словами, в какой степени характеристики социального капитала и то, как распределены обязанности между партнерами, влияют на желание родить ребенка и фактические рождения детей?

Информационной базой работы выступают две волны социально-демографического обследования РИДМИЖ. Первая волна была проведена в 2004 г. (выборка 11,261 чел. 18-79 лет, 1 респондент – 1 домохозяйство), вторая – в 2007 г. (выборка 11,117 чел. 18-82 лет; панельная составляющая – 7,786 чел. 21-82 лет). Пространственная выборка 2004 года была использована в целях анализа влияния социального капитала и гендерного равенства на репродуктивные намерения респондентов, тогда как панельная выборка – для анализа их влияния на фактическую вероятность рождения. Регрессионный анализ проводился на выборке мужчин и женщин репродуктивного возраста (18-44 года для женщин и для мужчин без партнерш; для мужчин с партнершами бралось соответствующее ограничение по возрасту партнерши). Из наблюдения были исключены инвалиды, пенсионеры, длительно больные, не имевшие сексуального опыта в 2004 году, беременные в 2004 году, и те, кто ответил «определенно нет» на вопрос о том, могут ли они физически иметь детей. Размер пространственной выборки в 2004 году составил 4547 респондентов, панельной – 2398. Для анализа использовались модели бинарных логит- и пробит-регрессий, в которых в качестве зависимых переменных выступали а) желание родить (еще одного) ребенка в течение трех лет, начиная с 2004 г., и б) рождение ребенка в 2005-2007 гг. Сложность состоит в том, что общепринятая трактовка социального капитала отсутствует. Обобщая различные интерпретации социального капитала, А. Портес определяет его как «способность акторов гарантировать выгоды посредством членства в социальных сетях и других социальных структурах» [Portes 1998: 6]. При этом вслед за многими авторами [Portes 1998; Astone et al 1999], в данном выступлении мы рассматриваем социальный капитал как характеристику индивида, а не группы. Социальный капитал может измеряться различными способами. В данной работе мы обращаем внимание, преимущественно, на количественный и качественный аспекты социального капитала, а именно: количество взаимоотношений (или связей, в терминологии Грановеттера) и их «силу», тесноту, близость [Astone et al 1999]. Основным ограничением данных, которыми мы располагаем, является то, что они предоставляют максимум информации только по семейным связям респондента с родителями, проживающими отдельно. С учетом результатов других эмпирических исследований [Bühler 2006], мы сочли позволительным проанализировать влияние базовых индикаторов размера социальных сетей, а затем детализировать параметры социального капитала применительно к отношениям респондент-родитель. В результате, было построено пять блоков, характеризующих различные аспекты социального капитала и гендерных отношений: «Детский опыт», «Ценностные ориентации», «Финансовые трансферты», «Теснота отношений» и «Помощь в уходе за детьми и их воспитании». Полученные результаты подтверждают выводы аналогичных исследований, выполненных в других странах, о том, что размер социальной сети по материальной поддержке оказывает положительное влияние на репродуктивные намерения – как бездетных, так и однопородных респондентов.

Тесные отношения с родителями, проживающими отдельно, положительно сказываются на желании стать родителями. Напротив, если потенциальная бабушка живет очень далеко, то повышается вероятность откладывания рождения первенца. Влияние состава родительской семьи – проживания в детстве с одним или обоими родителями и количества братьев или сестер – на показатели репродуктивного поведения в данном исследовании проявилось лишь в том, что выходцы из многодетных семей с большей вероятностью выражали желание родить как первого, так и второго ребенка. Таким образом, различные аспекты социального капитала, действительно, влияют на репродуктивное поведение российского населения. Однако, по крайней мере, применительно к влиянию на временные (темпо) характеристики рождаемости это проявляется не столько через трансляцию определенных установок, сколько через снижение возможных издержек по уходу за детьми. Вместе с тем, наиболее устойчивым и сильным воздействием обладает характер распределения ролей между партнерами в разрезе имеющегося числа детей. Желающих стать родителями больше, если роли между партнерами распределяются традиционно, но женщину такое распределение обязанностей полностью устраивает. Напротив, как желание родить, так и фактическое рождение второго ребенка (объекта интереса нынешней демографической политики) выше в партнерствах, где обязанности по дому и уходу за ребенком между мужчиной и женщиной распределены поровну. Причем роль эгалитарного распределения ролей сопоставимо с эффектом от появления нового партнера – главного демографического фактора реализации репродуктивных планов. Таким образом, снижение альтернативных издержек ухода за детьми и их воспитания вследствие приверженности эгалитарному распределению ролей внутри партнерского союза представляется наиболее благоприятным для повышения числа рождений вторых детей в однопородных семьях.